

Сергей ГПТович

18+

МЁРТВЫЕ ПОДПИСИ

Нуарный детектив из сибери

Сергей ПТович
Мёртвые подписи. Нуарный
детектив из сибери

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73265303

ISBN 9785006919501

Аннотация

«Мёртвые подключения» – нуарный детектив с чёрным юмором: в Омске можно «умереть» на бумаге, не выходя из очереди за кофе – нужна подпись, печать и убедительный портрет. Художник Сергей Терещ получает заказ «нарисовать так, чтобы поверили» и быстро изучает: нотариус, ритуал и театр – части схемы. Вместе с Юлькой, Наташей и следовательницей Лидой он пытается не стать соучастником и не превратиться в следующего «мертвеца».

Содержание

Мёртвые подписи	5
Глава 1. Лицо без биографии	6
Глава 2. Театр, где правда репетирует	13
Конец ознакомительного фрагмента.	29

**Мёртвые подписи
Нуарный детектив
из сибиря**

Сергей ГПТович

© Сергей ГПТович, 2026

ISBN 978-5-0069-1950-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мёртвые подписи

«Мёртвые подписи» – нуарный детектив с чёрным юмором о том, как в Омске можно «умереть» не выходя из очереди за кофе: достаточно одной подписи, одной печати и одного убедительного портрета.

Художник Сергей Терещ, который рисует лица для ритуального салона, получает странный заказ: сделать портрет человека так, чтобы в него поверили. Почти сразу становится ясно: портрет нужен не для памяти, а для схемы – где нотариус, ритуалка и театр работают как части одного механизма, превращающего живых в «мертвых» на бумаге.

Вместе с психологом Юлькой, актрисой-помрежем Наташей, жёсткой следовательницей Лидой, военным Пекой и «камерщиком» Дэном Терещ пытается удержаться на грани: не стать соучастником и не стать следующим «несчастливым случаем». Их путь – от вежливых угроз до премьеры, где самая важная сделка проходит не на сцене, а в гримёрке.

Это история о том, что иногда победа выглядит не как фейерверк, а как простая вещь: ты остался жив и не дал подписать себя заочно.

Глава 1. Лицо без биографии

Омск просыпался как обычно: серый снег, серое небо и серые люди, которые упорно делают вид, что это «не серость», а «сибирская сдержанность». Терещ терпеть не мог эти формулировки. Он вообще не любил, когда жизнь пытаются заграммировать красивыми словами – уж слишком много раз видел, чем заканчивается грим, если под ним пустота.

В мастерской при ритуальной фирме было тепло и пахло кофе. Кофе был настолько дешёвым, что его можно было использовать как средство от ностальгии: выпил – и сразу вспомнил, почему раньше пил чай. Терещ поставил кружку на край стола, чтобы не задеть тростью. Трость стояла рядом – как дисциплинарная палка для организма: «иди ровно, не геройствуй».

Он начал ходить с ней пять лет назад. До этого были коляска, костыли, ходунки и злость – плотная, как бетон. А ещё раньше – полтора месяца комы, про которые он знал только по рассказам, потому что собственная память в тот период честно вышла покурить и вернулась не вся.

Иногда ему снилось, что он лежит где-то под стеклом, и люди обсуждают его так, будто он предмет. В такие ночи он просыпался злой и бодрый. Злость вообще была его батареей: вспыхивал быстро, уходил тоже быстро и не держал зла – просто потому что держать его было физически тяжело,

как держать штангу на вытянутых руках. В прошлом он бы удержал. В прошлом он был КМС по тяжёлой атлетике, пару лет боксировал, а потом решил, что лучший спорт – это «кто быстрее доедет до финиша и не улетит в столб».

Финиш, как выяснилось, умел подкрадываться без предупреждения.

Сейчас Терещ рисовал портреты для табличек и рамок. В народе это называли «портрет на памятник», а он называл – «последняя корректировка». У покойников никто не спрашивает, хотят ли они выглядеть «как при жизни». Родня хочет. Родня всегда хочет не правду, а утешение.

Дверь в мастерскую приоткрылась, и внутрь просочилась торжественность на двух ногах – Глеб Аркадьевич, директор. Служебная кличка – Панихида. Не потому, что он был плохой человек, а потому что даже когда просил степлер, звучал так, будто объявляет минуту молчания.

– Серёжа, – произнёс Панихида так, словно извинялся перед Вселенной. – Есть заказ. Срочный.

– У нас тут всё срочное, – буркнул Терещ. – Даже чай остывает по приказу.

Панихида сделал вид, что не понял шутки. Он умел: у него была врождённая иммунная система против юмора сотрудников.

– Клиент... нервничает, – сказал он и положил на стол папку. – Просит достойно. И просит не задавать лишних вопросов.

– Это у нас в прайсе? – Терещ приподнял бровь. – «Достоинно, без вопросов, с доставкой на совесть»?

Панихида вздохнул.

– Серёжа...

– Ладно, – Терещ взял папку. – Давайте сюда вашу драматургию.

Внутри была фотография, данные, копии документов и листочек с номером мессенджера. На фото – мужчина лет сорока пяти. Лицо аккуратное, почти красивое, как будто его собирали в приложении «собери себе биографию».

Терещ сделал то, что делал всегда: не смотрел «на человека» – смотрел на несостыковки. У него это осталось ещё со времён резчика по камню. Камень не прощает торопливых линий. Лицо – тоже.

– Свет, – тихо сказал он.

– Что? – Панихида наклонился.

– Свет на лице. Видите? – Терещ поднёс фото ближе к лампе. – Тут источник справа. А тень под носом уходит влево. Но вот здесь, на щеке, тень наоборот. Так не бывает.

– Бывает, если фотка плохая, – неуверенно сказал Панихида.

– Бывает, если фотка собрана, – отрезал Терещ. – И ухо.

– Ухо?

– Ухо как будто от другого мужика. Чуть-чуть. Но достаточно, чтобы мозг чесался.

Панихида нервно сглотнул. Он не любил, когда «чешется»

что-то, кроме бухгалтерии.

– Серёжа, я вас прошу... Не надо.

– Чего не надо? Думать?

– Подозревать. Это похоронные услуги, а не следственный комитет.

– Ага, – Терещ хмыкнул. – У нас просто тоже люди исчезают. Только обычно окончательно.

Панихида замялся, как будто хотел сказать что-то важное и одновременно хотел, чтобы оно не существовало.

– Клиент сказал, что заберёт к закрытию, – тихо добавил он. – И... просил, чтобы работу делали только вы.

– Ну конечно, – Терещ закатил глаза. – Ему, значит, «без вопросов», а мне – персональная ответственность. Люблю людей.

Панихида быстро кивнул и ушёл, будто боялся задержаться рядом с сомнениями и подхватить их, как простуду.

Терещ остался один. Он снова посмотрел на фото и почувствовал странную вещь: на этом лице не было биографии. Морщинки были, но «правильные». Взгляд был, но «общий». Как будто кто-то лепил не человека, а роль.

Он достал лист бумаги, набросал грубую схему освещения и отметил «ухо». Потом добавил ещё один пункт: «кожа слишком ровная». Это было похоже на ретушь, но не ту, что делает родственник в телефоне, а ту, что делает человек, который хочет, чтобы экспертиза не зацепилась.

И тут в коридоре бахнуло голосом, который не умел шеп-

тать даже на кладбище.

– Терещ! Ты живой?

Терещ не успел ответить, как в дверях появился Петька. Пека. Лет тридцать шесть, плечи – как шкаф, взгляд – как инструкция. Подполковник РВСН, действующий военный, из тех, кто в любом помещении сначала отмечает выходы, а потом уже людей.

Он уже пару лет как жил в Москве – «по работе», то есть по той самой работе, которая не спрашивает, нравится ли тебе город и хочешь ли ты видеть друзей чаще, чем раз в год.

– Я тут, – сказал Терещ. – Ты чего орёшь? Здесь вообще-то офис, а не стартовая площадка.

– Это у тебя офис, – Пека оглядел мастерскую. – А у меня после Москвы любая комната кажется маленькой. И да, ты трубку почему не берёшь?

– Потому что я не на службе, – Терещ ткнул тростью в пол. – Я на работе.

Пека посмотрел на трость так, как смотрят на то, что бьёт, но трогать нельзя.

– Как нога?

– Нога как нога. На месте.

– Нормальный ответ был бы: «болит/не болит», – сухо сказал Пека.

– Нормальный ответ я оставил в коме, – отрезал Терещ. – Ты чего прилетел?

Пека достал телефон и молча показал экран. Сообщение

от Наташки:

«Если будут спрашивать – я ничего не видела. В театр не приходите. Особенно ты.»

Терещ почувствовал, как внутри всё собирается в одну линию – как в боксе перед ударом. Вспышка – и холод.

– Она в Омске? – спросил он.

– На гастролях театра, – коротко сказал Пека. – Да. И она перестала отвечать.

– «Особенно ты» – это, конечно, красиво, – Терещ бросил взгляд на друга. – Она знает, что тебя этим заведёт.

– Она знает, что меня этим остановит, – поправил Пека. – И если она пыталась меня остановить – значит, там что-то реальное.

Терещ молча вытащил из папки фото и положил на стол.

– У меня тут тоже «реальное». Заказ на портрет. Но лицо... странное.

Пека посмотрел. Сначала – как обычный человек. Потом – как военный, который понял, что «обычный» объект может быть миной.

– Обычный мужик, – сказал он. И тут же добавил: – Но неприятный.

– Потому что собран, – Терещ ткнул в ухо. – Видишь?

Пека прищурился.

– Вижу. Или ты меня заразил своей художественной паранойей.

– Это не паранойя, – Терещ криво усмехнулся. – Это опыт.

У меня раньше тоже было хобби – делать вид, что всё под контролем. Кончилось плохо.

Пека молчал секунду. Потом убрал телефон.

– Поехали к Наташке, – сказал он.

– Петь, – Терещ поднял бровь, – а ты не хочешь сначала позвонить, спросить у неё нормально?

– Я уже, – сухо ответил Пека. – Тишина.

Терещ вздохнул, взял папку, трость и куртку.

– Ладно. Только предупреждаю: если ты начнёшь командовать, я тебя стукну.

– Тростью? – уточнил Пека.

– Нет, – Терещ посмотрел на него честно. – Морально. Тростью я экономлю шаги. Блин, ну его на... Поехали.

Пека кивнул – и впервые за минуту позволил себе улыбнуться.

– Вот это я понимаю: рабочий настрой. Омск ещё не знает, что к нему прилетел центральный аппарат беды.

Терещ фыркнул.

– Ты – центральный аппарат беды. А я – художник по последствиям.

Они вышли из мастерской, и Терещ впервые за долгое время поймал себя на простой, злой мысли: если кто-то научился «рисовать» людей на бумаге так, чтобы они исчезали в реальности – значит, ему придётся научиться рисовать обратно.

Глава 2. Театр, где правда репетирует

Дорога до театра заняла ровно столько, чтобы Терещ успел разозлиться три раза и остыть два. Пека вёл машину так, будто на приборной панели кроме спидометра был ещё один циферблат – «успеть, пока не стало поздно». Он не гнал, нет – он ехал ровно, без суеты, но эта ровность пугала больше скорости: так ездят люди, которые заранее прикинули худший вариант и не хотят давать ему шанса.

– Слушай, – Терещ покосился на него. – Ты когда успел стать таким спокойным? Москва так портит или звание?

– Меня не Москва сделала спокойным, – сухо сказал Пека. – Меня сделала нервная система. Она просто сгорела раньше тебя.

– Понятно. У тебя там вместо нервов – проводка по ГО-Сту.

– А у тебя вместо проводки – кто-то постоянно искрит, – отрезал Пека и тут же добавил, почти человечески: – Не начинай только. Я и так... на грани.

Терещ хмыкнул. Для Пеки признание «на грани» было как для других «я в панике». Он вообще не любил эмоции в открытом виде. Эмоции, по мнению подполковника, снижали точность попадания.

Театр стоял в центре, в здании с характерной для провинции архитектурой: колонны, пафос и ощущение, что это строили либо на века, либо «как получится». У входа курили двое: один худой, второй тоже худой, просто по-другому. Снег они стряхивали с рукавов так, будто это не снег, а подозрения.

– Мы туда так и зайдём? – Терещ кивнул на дверь. – Ты врываешься с криком «всем лежать», я – рисую фоторобот?

– Зайду я, – ответил Пека. – Ты подышишь.

– Петь, блин, я тебе не йога.

– Ты мне друг. И ты хромой. – Пека сказал это без жалости, как факт из паспорта. – Поэтому подышишь.

От его прямооты Терещ захотел, как обычно, огрызнуться, но вместо этого сделал то, что делал после ДТП чаще всего: проглотил гордость и оставил силы на дело.

Внутри было тепло и пахло пылью, гримом и чем-то сладким – то ли духами, то ли сиропом от кашля, который кто-то пил без закуски. У театров всегда такой запах: смесь лиц и масок.

– Служебный вход где? – Пека поймал в коридоре женщину с папкой.

– А вы кто? – женщина посмотрела на него так, как смотрят на человека, который забыл, что театр – это не военкомат.

Пека на секунду завис – реальный сбой системы. Он не понимал, что в театре не работает слово «подполковник» как

универсальный ключ. Терещ еле заметно усмехнулся и шагнул вперёд.

– Мы к Наташе Терещ... к Наташе, помощнику режиссёра, – сказал он мягче. – Срочно. Она на связи пропала.

Женщина мгновенно стала серьёзнее. Театр любит слухи, но ещё больше театр любит живых людей – потому что живые двигают декорации.

– Толстячёнок? – уточнила она.

– Она самая, – кивнул Терещ. – А мы – её семья.

Слово «семья» сработало как пропуск. Женщина махнула рукой:

– По коридору, налево, вторая дверь. Только тихо – у нас репетиция, режиссёр нервный.

– Мы тоже нервные, – пробормотал Пека.

Они дошли до двери с табличкой «помреж». Изнутри слышался голос Наташки – и этот голос был лучшим доказательством, что она жива. Наташка могла говорить так, будто спорит с мирозданием, и мироздание ей должно.

– ...я не могу «сделать красиво», – говорила она. – Я могу сделать быстро, могу сделать правильно, могу сделать «как вы хотите», но «красиво» – это к художникам, блин!

Терещ переглянулся с Пекой. Внутри у Пеки явно был конфликт: радость, что Наташка жива, и злость, что она устроила драму по расписанию.

Пека без стука открыл дверь.

Наташка стояла над столом, заваленным бумагами, а ря-

дом сидел мужчина с лицом «я режиссёр, значит, страдаю профессионально». У Наташки были собранные волосы, куртка на спинке стула и выражение лица человека, который не спал два дня и держится на кофе, мате и чистой вредности.

– О, – сказала она, увидев их. – Приехали.

Пека шагнул вперёд.

– Ты почему не отвечаешь?

– Потому что я работаю, – отрезала Наташка. – Как и все нормальные люди, которые не имеют московской зарплаты и военной ипотеки.

– Ты мне сейчас зубы не заговаривай, – Пека понизил голос, но по сути он у него не понижался, а переходил в режим «команда тихо». – Ты сообщение прислала. «Не приходите». «Особенно ты». Это что было?

Режиссёр попытался вставить:

– Простите, а кто...

Наташка не глядя подняла ладонь:

– Сергей Викторович, вы идите покричите в другом месте. У меня тут семейная катастрофа. Она важнее вашей творческой.

Режиссёр открыл рот, но Терещ увидел: спорить с Наташкой в театре – это как спорить с декорацией, которая на тебя падает. Мужчина встал и ушёл, бормоча что-то про «дисциплину» и «хаос», то есть, по сути, про театр.

Как только дверь закрылась, Наташка выдохнула и стала

на секунду не «помрежем», а просто младшей сестрой.

– Я не хотела, чтобы вы сюда лезли, – сказала она уже тише. – Особенно ты, Пека. Ты тут как пожарная проверка. Все сразу начинают вести себя прилично. А это заметно.

– Значит, есть кому «вести себя неприлично»? – Пека сузил глаза.

Наташка кивнула и посмотрела на Терещу.

– Серёг, я сейчас скажу, и ты меня не перебивай, ладно?

– Я вообще-то редко перебиваю, – соврал Терещ.

– У нас пропали печати.

– Театральные? – уточнил Пека.

– Если бы театральные, я бы радовалась, – Наташка нервно усмехнулась. – Старые печати «для антуража» – да. Но вместе с ними пропали папки под документы и спецприм. Латекс, клей, пигменты. Не «синячок нарисовать», а «новое лицо собрать».

Терещ почувствовал, как внутри щёлкнуло: слово «собрать» прилепилось к его фотографии.

– Кто имеет доступ? – спросил Пека.

– Все и никто, – ответила Наташка. – Театр – это идеальное место для преступления: тут любой человек в чёрном может быть «техперсоналом», а любой чемодан – «реквизитом».

Терещ опёрся на трость и кивнул:

– Ты в сообщении писала «если будут спрашивать – я ничего не видела». Кто спрашивал?

Наташка поморщилась.

– Вчера... ко мне подошёл один тип. Вежливый. Даже слишком. Очки, голос такой... гладкий. Сказал: «Наталья Сергеевна, вы же у нас внимательная. А внимательным иногда тяжело живётся. Не усложняйте».

Пека напрягся так, будто ему на плечи положили штангу.

– Он представился?

– Нет. Но у него был бейджик. Пластик. Без фамилии.

Просто «администратор». Я таких не видела раньше.

– И ты решила написать нам, – сказал Терещ.

– Я решила предупредить, – Наташка посмотрела на Пеку. – Потому что ты... ну ты же «решешь вопрос». А тут не тот вопрос, который решается силой.

Пека сжал челюсть.

– Не учи меня жить.

– Я тебя люблю, – сказала Наташка с такой интонацией, будто это тоже приказ. – Поэтому и учу.

Терещ кашлянул, чтобы не заржать. Ситуация была не смешная, но семейные сцены в их исполнении всегда имели оттенок чёрной комедии: смех как способ не дать страху командовать.

– Наташ, – сказал он, – ты слышала что-то конкретное? Имя? Фамилию?

Наташка кивнула и, как человек театра, сыграла паузу – ровно на секунду больше, чем нужно.

– Сегодня в курилке двое разговаривали. Не наши. Один

сказал: «Лицо сделаем, печати есть, нотариуса подвинем». Второй ответил: «Портрет уже заказан».

Терещ медленно достал из папки фотографию и положил на стол. Наташка глянула – и побледнела так, будто ей резко стало стыдно за собственный юмор.

– Вот, – сказала она и ткнула пальцем в фамилию на бумажке. – Я слышала эту фамилию.

Пека наклонился, прочитал, и у него на секунду дрогнула бровь – единственная мимика, которую он позволял себе в кризис.

– Это уже не театр, – сказал он. – Это схема.

– Спасибо, капитан очевидность, – прошептала Наташка. Потом подняла глаза на Тереща. – Серёг, ты понимаешь, что они тебя тоже видели? Ты же сюда зашёл.

Терещ пожал плечами.

– Пусть. Я не умею быть невидимым. Я хожу с тростью, это вообще не камуфляж.

Пека уже доставал телефон.

– С этого момента ты не одна, – сказал он Наташке. – Ты едешь к Юльке.

– Я не поеду, – тут же вспыхнула Наташка. – У меня репетиция, у меня премьера, у меня режиссёр, у меня...

– У тебя жизнь, – отрезал Пека. – И я, блин, не собираюсь проверять, как быстро её можно испортить.

Наташка открыла рот, чтобы возразить, но Терещ тихо добавил:

– Толстячёнок, слушай его. Когда Пека говорит «блин», значит, он реально переживает.

Наташка фыркнула, но глаза у неё стали влажные – не от слёз, от злости на ситуацию.

– Ладно, – сказала она. – Но если Юлька меня прибьёт за то, что я притащилась без предупреждения, я буду вас обоих преследовать как привидение.

– В ритуалке у нас таких хватает, – Терещ криво усмехнулся. – Будешь стоять в углу и оценивать рамки.

Наташка уже почти улыбнулась, но тут из коридора донёсся звук: быстрые шаги, потом остановка прямо у двери – как будто кто-то подошёл и прислушался.

Пека поднял ладонь: молчать.

Тишина стала плотной. В этой тишине Терещ вдруг понял, что театр – идеальное место не только чтобы прятать лица, но и чтобы подслушивать: здесь стены тоньше совести.

За дверью раздался вежливый голос:

– Наталья Сергеевна, вас на минуту. Администрация просит.

Наташка посмотрела на Пеку. Пека посмотрел на Тереща. Терещ посмотрел на трость – и впервые пожалел, что трость не огнестрел.

– Скажи, что занята, – шепнул Терещ.

Наташка подошла к двери и громко, по-театральному бодро сказала:

– Сейчас! Только я штаны надену, а то у нас администра-

ция нервная!

Пека чуть не поперхнулся.

За дверью повисла пауза – та самая, когда человек решает: смеяться или злиться, и выбирает «не показывать».

– Я подожду, – ответили снаружи слишком спокойно.

Пека тихо выругался, совсем по-армейски, без художественных изысков.

– Всё, – сказал он. – Выходим через служебный. Сейчас.

– А если там тоже ждут? – прошептала Наташка.

Пека коротко глянул на неё.

– Тогда будем импровизировать. Ты же театр любишь?

Терещ взял папку с фотографией и тростью двинулся к окну. Окно выходило во внутренний двор. Снизу – сугробы и мусорный бак, как символ культурной жизни.

– Прыгать не предлагаю, – сказал он. – Я не в том возрасте, чтобы доказывать позвоночнику, что он неправ.

Пека уже проверял дверь в соседний кабинет – оказалось, там кладовка с реквизитом. Наташка, увидев стойки, маски и коробки с надписью «ПЕЧАТИ (БУТАФОРИЯ)», нервно рассмеялась.

– Блин, – прошептала она. – У нас даже коробка подписана. Мы сами себе преступление упаковали.

Терещ посмотрел на коробку, потом на фото в папке и тихо сказал:

– Значит, кто-то очень рассчитывает, что люди вокруг – статисты.

В коридоре снова послышались шаги – уже ближе.

Пека повернулся к ним и впервые за день сказал без шуток:

– Дышим. Работаем. И никто не геройствует.

Терецц хотел ответить что-то колкое, но вместо этого просто кивнул. Потому что в этот момент он наконец понял: их история уже не про театр. Она про подписи. И про то, как легко сделать человека «мертвым», если у тебя есть печать, грим и чужая слабость.

Глава 3. Хвост, психолог и почти честная «управляйка»

Пека вывел их из театра так, будто у здания есть радиус поражения. Наташка шла рядом, прижимая к груди папку с какими-то ведомостями, как будто эти бумажки могли её прикрыть от реальности. Терецц тащился третьим – на трости, в режиме «догоню, но медленно и с ненавистью к архитектуре».

– Петь, – прошипел он, – ты сейчас так быстро меня эвакуируешь, что я начинаю подозревать: ты меня не спасти хочешь, а похоронить с гарантией.

– Это не похоронить, – не оборачиваясь, ответил Пека. – Это заранее исключить из списка потерь.

– Список потерь у него... – Наташка закатила глаза. – Блин, у нас в театре списки бывают только на реквизит. А вы меня так несёте, будто я бутафорский рояль.

– Рояль хотя бы молчит, – сухо сказал Пека.

Наташка фыркнула, но не спорила. Она знала: если Пека включил режим «везём», то обсуждать бессмысленно. Он вообще был из тех людей, которые внутри мягкие, но снаружи – бетон с уставом.

На парковке Пека остановился резко, как будто вспомнил, что жизнь любит подлянки.

– В машину – по очереди. – Он посмотрел на Терещу. – Ты сзади справа.

– Почему справа? – буркнул Терещ.

– Потому что слева я буду смотреть в зеркало. А справа – ты будешь живой.

– Аргумент, – Терещ кивнул, будто согласился не с приказом, а с математикой.

Наташка залезла первой, швырнула сумку на сиденье и пробормотала:

– Если мы умрём, я хочу, чтобы меня хоронили не через вашу ритуалку. Там директор так говорит, что даже покойник захочет уйти по-английски.

– Не переживай, – сказал Терещ, пристёгиваясь. – Если что, я тебя сам красиво нарисую.

– Спасибо, – Наташка повернулась к нему. – Только сделай мне на портрете пресс, как в двадцать.

– Это уже не портрет, – вздохнул Терещ. – Это реконструкция.

Пека завёл машину и поехал не по привычному маршру-

ту, а по дворам, будто проверял, не сидит ли где-то судьба с радаром.

– Ты сейчас что делаешь? – спросил Терещ.

– Проверяю хвост, – ответил Пека.

– У нас хвост? – Наташка приподнялась.

– Пока нет. Но у таких схем хвост появляется быстро. Это как похоронный бизнес: если один заказ пошёл, второй сам подтянется.

– Петь, – Терещ поморщился, – ты сейчас сравнил слежку с похоронами?

– Я сравнил слежку с маркетингом, – спокойно сказал Пека. – Не путай.

Терещ посмотрел в заднее стекло. Машины ехали как обычно: кто-то торопился, кто-то «экономил тормоза», кто-то жил с мыслью «успею на зелёный». И всё же одна тёмная «Шкода» держалась на одинаковой дистанции. Не близко – чтобы не палиться, не далеко – чтобы не потерять.

– У нас хвост, – сказал Терещ.

– Уже заметил? – Пека не удивился.

– Я художник, – буркнул Терещ. – Меня жизнь научила: если кто-то долго смотрит, значит, либо любит, либо собирается подписать тебе приговор.

Наташка резко замолчала – это было страшнее её криков.

– Спокойно, – сказал Пека. – Никто не геройствует. Мы просто едем к Юльке и делаем вид, что мы нормальная семья с нормальными проблемами.

– Нормальная семья не ездит с хвостом, – шепнула Наташка.

– Нормальная семья вообще редко ездит вместе, – отрезал Терещ. – И это, между прочим, профилактика разводов.

Пека свернул ещё раз, потом ещё. «Шкода» повторила. Пека коротко кивнул сам себе – подтверждение получено.

– Окей, – сказал он. – Юльке не звоним обычным способом. Только по громкой, без деталей.

Он набрал Юльку. Та взяла почти сразу, как будто сидела у телефона с внутренним таймером «катастрофа подъезжает».

– Да? – её голос был спокойный, но спокойствие было рабочее, как у врача в приёмном.

– Юля, – сказал Пека. – Мы едем. С нами Наташа. Ты дома?

– Дома, – ответила Юлька. – А что случилось?

– Потом, – сказал Пека. – И... если увидишь тёмную машину во дворе – не стой у окна.

– Петь, – Юлька сделала паузу на полсекунды, – ты сейчас мне сказал «не стой у окна», и это звучит как «в твоей жизни начался сериал».

– Это не сериал. Это Россия, – буркнул Терещ. – Тут любой квест начинается с «у нас камеры не работают».

– Серёжа? – голос Юльки потеплел. – Ты тоже там?

– Ага, – сказал он. – Я в роли хромого свидетеля и художника по чужим лицам.

– Прекрасно, – сухо ответила Юлька. – Я, значит, буду психологом по вашим глупостям. Дверь закрою, чай поставлю и спрячусь в угол, чтобы не мешать героизму.

– Только без героизма, – отрезал Пека.

– Поздно, – сказала Юлька. – Вы уже позвонили.

Связь оборвалась, и Наташка нервно усмехнулась:

– Юлька – единственный человек, который может тебя унижить вежливо.

– Она психолог, – Терещ пожал плечами. – Это её служебное оружие.

Подъезд Юлькиного дома встретил их классикой: лампочка либо горит как прожектор, либо не горит вообще. Сегодня горела – ярко, подозрительно, будто кто-то заранее выставил сцену.

Пека припарковался не у самого подъезда, а чуть дальше. Терещ понял: подполковник не любит «идеальные ситуации» – он любит запасные варианты.

Они зашли в подъезд, поднялись. Терещ в середине лестницы поймал себя на мысли, что злится на своё тело. Не на боль – на темп. В такие моменты он вспоминал прошлое: как мог бежать, драться, таскать вес. Теперь он тащил только одно – упрямство.

Юлька открыла почти сразу. Домашний свитер, волосы в пучок, лицо – рабочее. У неё было то самое выражение школьного психолога, который за день видел три драки, один нервный срыв и пять «мама меня не понимает», и теперь

смотрит на взрослых как на детей с дорогими проблемами.

– Так, – сказала она вместо приветствия. – Вы кто такие и почему вы пришли ко мне с театром?

– Мы семья, – сказала Наташка. – С осложнениями.

– Я вижу, – Юлька впустила их. – Проходите. И разувайтесь. Если вас будут убивать, пусть хотя бы без грязи на линолеуме.

– Юль! – Терещ не выдержал и хохотнул.

– Что? – Юлька подняла бровь. – Я рациональная. У меня дома порядок, а в вашей жизни – нет.

Наташка села на кухне и схватилась за кружку, как за якорь.

– Рассказывай, – сказал Пека. – По порядку. Без театральных «в первой сцене я страдала».

– По порядку скучно, – буркнула Наташка. – Но ладно... У нас пропали печати, папки, грим. Потом ко мне подошёл тип и сказал «не усложняй». Потом в курилке услышала: «лицо сделаем, документы подгонят, нотариуса подвинем, портрет уже заказан». И фамилию.

Терещ достал фото и положил на стол.

Юлька посмотрела и поморщилась:

– У него лицо как у человека, который в анкете пишет «характер спокойный», а потом режет людей в очереди.

– Вот! – Терещ ткнул пальцем в фото. – Оно «правильное». Слишком.

Пека кивнул:

– И слишком удобно. Портрет заказан заранее – значит, кого-то заранее готовят «умереть» на бумаге.

Юлька медленно поставила кружку.

– Петь, – сказала она. – Я сейчас спрошу как психолог. Ты уверен, что ты не накручиваешь?

– Юля, – ответил Пека. – Я не накручиваю. Я считаю вероятности.

– Вероятности чего? – спросила Наташка.

Пека посмотрел на неё так, как смотрят на человека, которому не хочется говорить плохие слова.

– Вероятности того, что вас захотят заткнуть.

Терещ вдруг услышал снизу звук двери. Потом шаги. Ровные. Не торопливые, не ленивые – целевые. Он поймал себя на том, что уже различает такие шаги на слух: это не «сосед за хлебом». Это «к вам».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.